

№122 *Наследие*

09.03.14

פרשת וַ

ז' אדר ב' תשע"ד

עלון תורני לדוברי רוסית - פרשת שבוע, הלכה, שאלות ותשובות, מוסר והשקפה

Офаким

לעילוי נשמת רשכבה'ג הגרי' ש' אלישיב זיע'א

Рав Бенцион Зильбер

Недельная глава "Цав" («Прикажи»)

Глава, которую мы читаем в эту субботу, в деталях описывает законы принесения жертв в Храме и потому ее заповеди обращены в основном к коэнам: «Прикажи Аарону и его сыновьям...» (Аарону и его потомкам Всевышний поручил служение в Храме, они были назначены священнослужителями – коэнами.) Глава завершается описанием обряда, который Аарон и его сыновья проходят перед тем, как приступить к служению в Храме (Мишкане). Нынешняя суббота – 13 адара. Как известно, 14 и 15 адара евреи празднуют Пурим (в Иерусалиме – 15 адара, в остальных местах – 14).

Тщательно взвешанный риск

Наша тема – один из эпизодов Свитка Эстер (Мегилат Эстер), чтение которого нам предписано слушать в праздник Пурим. Свиток описывает исторические события, которым праздник посвящен. Для начала напомним вкратце эти события (приведем выдержку из прошлогодней беседы о главе «Тецаве» книги «Шмот»).

Царь Персидской империи Ахашверош на третьем году царствования устроил для всех своих подданных многодневный пир. В разгар пира царь потребовал, чтобы его жена, царица Вашти... явилась перед гостями обнаженной – он хотел похвастаться ее красотой. Вашти отказалась. Ее казнили. Начался поиск новой жены для Ахашвероша. Из всех представленных ему девушек Ахашверош выбрал Эстер, двоюродную сестру еврейского мудреца Мордехая, которую взяли во дворец против ее воли. Среди министров Ахашвероша был некий Аман, который ненавидел евреев. Аман сделал блестящую карьеру при дворе... Он убедил царя издать указ, по которому в день, определенный жребием, – 13 адара, на территории империи все евреи, от мала до велика, должны быть уничтожены. Указ был разослан во все уголки Персидского царства. Но и в этом Аман не нашел удовлетворения, потому что его безумно раздражал не кланявшийся ему Мордехай... Евреи, знающие о страшном указе, постятся и молятся. Эстер готовится к разговору с царем. Она приглашает его к себе на пир вместе с Аманом. На этом пире царь говорит, что готов выполнить любое ее желание. Эстер желает, чтобы царь с Аманом пришли к ней на пир и завтра. По совету родных Аман ночью строит высокую виселицу, а утром отправляется к царю с просьбой повесить на ней

Мордехая. По удивительному совпадению, царю ночью не спится и чтец читает ему хронику событий его царствования. Там речь идет о заговоре против царя, который раскрыл Мордехай. Ахашверош решает воздать Мордехая должные почести. В этот момент является Аман. Царь советуется с ним по поводу формы чествования, не говоря, о ком идет речь. Аман полагает, что речь идет о нем, и придумывает самую торжественную церемонию. Царь приказывает ему лично сделать это для Мордехая. На втором пире Эстер объявляет царю, что она еврейка, и просит защиты от Амана. Амана вешают на виселице, приготовленной им для Мордехая. По империи рассылается новый указ, разрешающий евреям уничтожить своих врагов в день запланированного Аманом погрома. Для разговора с царем Эстер без приглашения входит во внутренний двор царского дома, что было под угрозой смертной казни запрещено всем без исключения подданным. Появлению Эстер во внутреннем дворе дома царя, напротив входа в который царь сидел на царском престоле, предшествовал ее разговор с Мордехаем. Разговор этот велся через служителя Эстер Атаха. Мордехай просил Атаха передать Эстер копию указа об истреблении евреев, о котором она еще не знала, рассказать ей обо всем и передать его требование: заступиться за свой народ, пойти к царю и умолять его о милости. Эстер велела передать Мордехая: «Все... знают, что для каждого мужчины или женщины, которые придут незваными во внутренний двор к царю, один закон для них – смертная кара; только тот, кому царь протянет свой золотой скипетр, останется в живых. А я не была звана к царю вот уже тридцать дней» (Мегилат Эстер, 4:11). Мордехая пересказали слова Эстер, и он ответил: «Не полагай в своей душе, что спасешься в царском доме [одна] из всех евреев. Ибо если ты промолчишь в такое время, то спасение и избавление придут к евреям из иного места, а ты и дом твоего отца погибнете; и кто знает, не для этого ли момента ты и достигла царского [достоинства]» (там же, 4:13-14).

Эстер передала Мордехая: «Собери всех евреев, которые находятся в Шушане (столице империи), и поститесь ради меня: не ешьте и не пейте три дня – ни ночью, ни днем; и я с моими служанками тоже буду поститься, а потом пойду к царю, хоть это и не по закону, и если уж мне погибать, то погиб-

ну» (там же, 4:16).

Какова логика Эстер в этом разговоре? Царь не звал меня вот уже тридцать дней. Одно из двух: либо он меня позовет сам, тогда лучше не рисковать и подождать – время у нас еще есть. Либо он меня разлюбил и не позовет, тогда, о чем бы я его ни просила – в том случае, если он позволит мне говорить, – не произведет на него никакого впечатления, не даст никакого результата. Более того, либо мой приход – верная смерть, либо, если царь меня помилует, ни о чем сверх такой милости я уже просить не смогу.

Смысл возражений Мордехая таков. Человек находит доводы для того или иного поступка в соответствии со своими интересами. Ты надеешься в глубине души, что твое положение при дворе тебя спасет. Ты ошибаешься. Тебе кажется, что, хотя евреи в целом в опасности, лично ты в безопасности. На самом деле все обстоит как раз наоборот. Евреям как народу Б-г обещал вечную жизнь, так что спасение придет к ним в любом случае. А вот тебе лично Всевышний такой гарантии не давал.

Ждать приглашения царя нет смысла. Указ против евреев очень весом и распространен повсеместно. В этом государстве указы не отменяют (обратите внимание: даже после казни Амана Ахашверош не отменяет свой указ, а издает встречный – о самозащите евреев). Если встречу назначит царь, в ней не будет ничего исключительного. Твою просьбу во время такой обычной встречи царь тоже воспримет как заурядную и подойдет к делу формально: напомним, что просто так указы не аннулируют, пообещает создать комиссию, собрать совещание, подключить нужные инстанции, рассмотреть вопрос «глубоко и всесторонне», а такие совещания, как известно, ни к чему никогда не

приводят. Ты должна действовать иначе. Мы находимся в ситуации, которая требует действий необычных и рискованных.

Что означает просьба Эстер о том, чтобы евреи постились? Она просит соплеменников: подумайте, что можно исправить в нашем поведении, в нашем отношении к Всевышнему. Раз уж я иду на смертельный риск, вооружите меня заслугами, как снабжают деньгами хозяйку, идущую на рынок.

Как же развивались события? Тот факт, что любимая царица, являясь к нему, шла на верную смерть, поражает царя. Он спрашивает, что ей угодно, и обещает до полуцарства. Эстер говорит, что хочет пригласить царя на пир. Ахашверошу совершенно ясно, что дело не в том, что царице вздумалось пировать. Он повторяет свой вопрос уже на пире. А Эстер еще раз приглашает его на пир, на повторный, завтра. Непонятные, странные, подозрительные события тревожат царя, не дают ему уснуть. Царь призывает чтеца... Что было дальше, вы знаете.

Свои требования Мордехай предъявляет Эстер как ее наставник и как руководитель народа, чувствующий свою ответственность за происходящее. Свиток, описывая нам поведение Эстер до этого критического момента, не раз указывает, что Эстер поступала, «как велел ей Мордехай» (Мегилат Эстер, 2:10, 2:20). Сказано, что, и став царицей, «слово Мордехая Эстер выполняла так же, как тогда, когда была у него на воспитании» (там же, 4:20). Так поступила Эстер и в этом случае. Она отодвинула в сторону собственные сомнения и расчеты, положила на решение великого мудреца, и это в конце концов привело к спасению еврейского народа.

По материалам сайта Toldot.ru

Рав Яков Пазан

Краткие законы Субботы

Продолжение.

Начало в номере 121

Глава 1 - Почитание Шабата

12. Время зажигания

Хотя в отношении всех законов Торы новый день начинается с наступлением темноты, поскольку есть сомнение в том, что называется темнотой, в определении начала шабата устраивают и считают, что шабат начинается с заходом солнца, т.е. до наступления времени, когда возникает сомнение, наступила ли ночь или нет (до наступления сумерек, *бейн ашмашот*). Кроме того, мы обязаны принять на себя шабат хотя бы немного раньше этого вре-

мени, то есть добавить от будничного к святому (также на исходе шабата немного продлевают его, чтобы добавить от будничного к святому). Таким образом, прекращают выполнение мелахот (запрещенных работ) за какое-то время до наступления сумерек, и это называется *тосэфет шабат* (добавка к шабату). Его величина зависит от обычая, сложившегося в данной местности.

Все вышесказанное относится к тому случаю, когда не принимают на себя шабат до начала суме-

рек. Тогда уже с началом *тосэфет шабат* запрещено для всех выполнение любых мелахот. Однако каждый человек может принять на себя шабат и раньше, то есть добавить от будничного к святому сколько пожелает, но не больше времени *плаг аминха* ("временной" час с четвертью до захода солнца или наступления ночи), и с этого момента ему уже запрещено выполнять любые мелахот.

Таким образом, если женщина зажгла свечи после *плаг аминха*, ей запрещено делать любые мелахот, даже если до конца дня остается много времени. (Но для остальных членов семьи шабат еще не начался, и они могут выполнять любые мелахот до его наступления.) Точно так же любой человек может принять на себя шабат со времени *плаг аминха*, и с этого момента ему запрещено выполнять мелахот. Тем не менее, если община уже приняла шабат (во время молитвы согласно обычаю, или чтением 92-го псалма, или с произнесением *Борху* и т.д.), тогда даже тем, кто не находился в синагоге и не принял на себя шабат с общиной, будет запрещено выполнение мелахот. Все вышесказанное справедливо в том случае, если в городе имеется только одна синагога – тогда вся община обязана следовать за ней. Но если есть хотя бы еще одна синагога, то каждый следует за порядками той синагоги, в которой он обычно молится.

Женщина тоже должна зажечь свечи до наступления этого времени. Все время пока ночь не наступила вне всяких сомнений, женщина может попросить нееврея зажечь для нее свечи. В этом случае ей не следует произносить благословение.

13. Женщина, забывшая зажечь свечи

Мудрецы наложили своеобразное наказание на женщину, забывшую зажечь свечи по своей халат-

ности, чтобы в следующий раз она более внимательно отнеслась к выполнению заповеди. Каким образом? Некоторые авторитеты считают, что с этого дня она должна зажигать каждый шабат на одну свечу больше. Другие говорят, что необходимо наливать в светильник немного больше масла, чем она наливала до этого, или ставить более длинную восковую свечу. Так как в этом вопросе есть различие мнений, необходимо спросить раввина, как поступать.

14. Минха

Тот, кто принял на себя шабат, не может молиться будничную *тфила* (молитву), поскольку для него шабат уже наступил. Поэтому человек, не успевший помолиться дневную молитву *минха*, должен молиться *тфила* шабата дважды. Так как женщины принимают на себя шабат с зажиганием свечей, они должны помолиться *минху* до этого. И также человек, принявший на себя шабат с общиной, например, посредством *Борху*, уже не может молиться будничную *тфила*, а обязан сказать *тфила* шабата два раза. Мы уже написали выше, что принятие шабата общиной обязывает каждого ее члена и, соответственно, после этого запрещено выполнять мелахот. Однако в отношении *минхи* это не так, и человек может молиться *минху* все то время, пока сам не принял шабат. Но в таком случае нельзя молиться в синагоге, так как там уже молятся *тфила* шабата.

Продолжение в следующем номере

Публикуется с любезного разрешения
издательства «Швут Ами».
Книгу можно заказать по тел. 04-9847532

Рав Реувен Куклин

Еврейский ответ

Б-гу нужны мои слёзы?

Здравствуйте. На сайте нашел следующую цитату Раби Мендла из Коцка: «Кто сказал тебе, что Б-гу нужна твоя молитва и твоя учёба? Что, если Ему нужнее твои слёзы и твои страдания?». Я не могу её понять. Пожалуйста, разъясните.

С уважением, Дима

Здесь имеется в виду, что Всевышнему важно, сколько усилий человек приложил, чтобы выполнить определённую заповедь, сколько ему пришлось трудиться ради исполнения воли Всевышнего.

Мишна в конце трактата *Мнахот* выводит этот принцип из того, что в Торе сказано «...жертва огнепалимая, благоухание, приятное Господу» по отношению ко всем трём видам жертвоприношений — животных, птиц или тонкой пшеничной муки. Говорит мишна: «Сказано о приношении животного жертва огнепалимая, благоухание приятное, и о приношении птицы жертва огнепалимая, благоухание приятное, и о приношении тонкой пшеничной муки жертва огнепалимая, благоухание приятное — чтобы научить нас: кто-то даёт больше, кто-то меньше, лишь бы намерение человека было во

Имя Небес». Т.е. если человек беден и может принести лишь минху из тонкой пшеничной муки, Всевышний принимает это так же, как если бы тот принёс в жертву животное, стоящее гораздо большую сумму, — когда намерение человека во Имя Небес.

Об этом же говорится в благодарственной молитве, которую мы произносим после изучения Торы: «Благодарны мы Тебе за то, что установил Ты долю нашу с теми, кто сидит в доме учения, и не установил долю нашу с теми, кто сидит на рынках (торговцами), потому что мы трудимся и они трудятся: мы трудимся и получаем плату, а они трудятся и не получают платы». Т.е. мы трудимся и получаем плату за сам труд, а они трудятся, но получают плату не за сам труд, а за конечный результат. Если они приложили большие усилия, но не добились результата, платы они не получают. Иначе обстоит дело с тем, кто изучал Тору и приложил большие усилия, чтобы понять её: он получает награду за все свои усилия.

Приведу Вам случай, в котором явно видно действие этого «принципа».

В неком городе в Америке жил еврей, у которого была не совсем еврейская профессия — он был... боксёром.

Когда его сыну исполнилось шесть лет, он должен был решить, в какую школу его послать. После недолгого раздумья боксёр решил послать сына в еврейскую школу. Он думал, что боксу сына он всегда сможет обучить, а вот еврейству не помешало бы, чтобы его немножко обучили в школе. Он вспомнил, что сам учился в еврейской школе и ничего страшного из этого не вышло.

Однако отец ошибся в расчётах. Вышло действительно страшное... и очень страшное... Сыну было интересно всё, что связано с Торой, и он стал приближаться к исполнению заповедей.

У сына боксёра возникло желание выглядеть, как все религиозные люди, в кипе, но он боялся, ведь его отцу не понравится такой вид. К тому же, его отец боксёр... Сын решил посоветоваться со своим учителем. Учитель сказал ему так: «Знаешь, что я тебе предлагаю: надень кипу, когда ты далеко от отца. Если ты видишь, что твой вид приводит отца в ярость, сразу же сними и скажи: я пошутил». Сын так и сделал. Однако совет учителя не очень помог. Когда он первый раз поступил по совету учителя, отец применил к нему свои профессиональные навыки. Тем не менее, сын не отчаивался. Конечно, ему пришлось ещё несколько раз выступить в роли боксёрской груши, но, в конце концов, отец привык к мысли, что сын хочет соблюдать законы Торы.

Сын изучал Тору, пошёл в йешиву. Когда вырос,

переехал в Израиль и был принят в одну из лучших израильских йешив - йешиву «Мир». Каждую пятницу перед субботой сын находил интересные толкования Торы и посылал отцу по факсу. Уже немалодой боксёр любил толкования, которые ему посылал сын. Мало-помалу святые слова Торы повлияли и на очерствелое сердце боксёра. И с ним тоже произошло что-то страшное: толстокожий боксёр приблизился к исполнению заповедей, захотел изучать Тору и Талмуд. Но как он будет изучать? Ведь он не знает ни единого слова на иврите! Даже *алеф-бейт* он не знает хорошо. Боксёр решил, что тот, кто эту кашу заварил, должен и расхлебывать. Кто виноват? Учитель сына, с которого всё и началось. Вот пусть он теперь его и обучает. Учитель согласился с железной логикой сурового боксёра. Начали с *алеф-бейт*. Потом изучали Мишну, а после этого начали Талмуд. Талмуд давался боксёру непросто. Изучение одного листа Гмары заняло у него год.

Выучив этот лист, он был очень рад и захотел устроить трапезу в честь окончания изучения (сיום). Пожилой боксёр позвонил великому раввину — раву Мойше Файнштейну. Он спросил, можно ли устроить трапезу, посвящённую окончанию изучения листа Талмуда. Рав Мойше Файнштейн ответил, что о таком никогда не слышал. Он знает, что есть люди, которые устраивают сיום по окончании изучения всего Талмуда, другие — после окончания изучения отдельного трактата, но чтобы кто-то устроил трапезу, изучив один лист, — об этом он никогда не слышал. Бывший боксёр и начинающий талмудиста рассказал раву Мойше Файнштейну, сколько усилий ему стоило выучить этот лист. Он уже год изучает его. Услышав это, рав Мойше Файнштейн сказал, что, конечно, в таком случае можно и даже нужно устроить трапезу в честь окончания изучения. «Более того, — сказал рав Мойше Файнштейн. — Я тоже приеду на эту трапезу». Несмотря на то, что рав Мойше Файнштейн жил на огромном расстоянии от начинающего талмудиста, он проделал этот путь и приехал к нему.

В ночь после сיום именинник скончался. На следующий день рав Мойше Файнштейн вновь проделал тот же путь — уже на похороны этого человека.

Из книги «Еврейский ответ на не всегда еврейский вопрос».

Публикуется с любезного разрешения автора